

ГЕНРИ СИРИЛ

ПЛОХОЙ РЕБЕНОК

Генри Сирил
Плохой ребенок
Серия «Паутина. Триллеры
известных российских блогеров»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67796876

Плохой ребенок: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-170616-6

Аннотация

Он ждал этого момента. Он следил за ней, чтобы стать ее кошмаром, ее судьей, ее палачом. Обычная месть была ему неинтересна...

Когда известная художница Грейс Хейли случайно встретила на улице странного молодого человека, она сразу поняла: это он! Брошенный ею сын, от которого она избавилась, боясь испортить себе будущую карьеру. Она искала его все последние годы, и вот он нашелся. Но как же не похож он на того, кого она себе представляла! С этого момента жизнь Грейс превратилась в настоящий ад. Сын вымогал у нее деньги на наркотики, рассорил с мужем, сделал соучастницей преступления... Ставшая в один миг несчастной, Грейс, наконец, решает выяснить, кто же он на самом деле, ее мучитель. Открывшаяся правда не оставила отчаявшейся женщине выбора...

Эта история обнажает самые смачные пороки, в которых безнадежно погрязли люди – успешные и, на первый взгляд, вполне здоровые...

Автор, словно хирургическим инструментом, вскрывает душевные нарывы и тайные мысли героев, проникая в самые темные уголки их воспаленного сознания. И только неожиданный финал, как суровый приговор, ставит точку в этой трагической истории...

«Это один из самых захватывающих триллеров! Автор идеально прописывает сюжет и держит в напряжении до самого конца». – yarik_smiley

«Ищете впечатляющий триллер? Вам нужна эта книга! Не все вам может понравиться, с чем-то вы можете не согласиться, НО яркие эмоции вам обеспечены!» – ng_life.books

«Триллерам Сирила свойственен эффект „делирия“, в который впадает читатель за счет искусно созданного автором психологического воздействия... Я люблю читать триллеры автора. Это всегда всплеск эмоций, адреналин, сюжетные твисты и эффект неожиданности». – Madina_bookaholic

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	36
Глава 4	44
Глава 5	61
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Генри Сирил

Плохой ребенок

© Агапов К.А., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Я протестую против терминов «фантазия» и «символизм». Наш внутренний мир реален, быть может, даже более реален, чем мир, окружающий нас.

Марк Шагал

*За иллюзии расплачиваются
действительностью.*

Лешек Кумор

* * *

Я ударил ее по лицу, чтобы она замолчала. Кухонный нож в моей руке, я совсем забыл о нем. В той самой руке, которой я ее ударил. И пропорол щеку. Она коротко вскрикнула, прижав ладонь к порезу. Сквозь ее пальцы заструилась кровь. Я не хотел, но... а впрочем, она замолчала, это хоро-

шо. Весь этот шум сводил меня с ума. Линнет, Тревор, полицейские за окном и за дверью, толпа зевак...

– Папа! Не надо, папа, перестань! – Тревор заревел в голос и бросился к Линнет, обнял.

– Малыш, не кричи, – я устало потер виски, я хотел только тишины, чтобы мне дали чертовой тишины, – мне нужно собраться с мыслями, Тревор, сынок. Я ведь почти закончил, почти закончил.

– Не называй... – Тревор не сумел договорить. Линнет судорожно зажала ему рот обеими руками, перепачкав лицо нашего сына своей кровью, и прижала к себе.

– Тихо, Тр... Тревор, тихо. Папе нужно работать, а мы мешаем ему. Тихо. – Не сводя с меня испуганных глаз и прижимая к себе ребенка, она медленно попятилась спиной к стене.

Зачем она так? К чему этот цирк? Ведь не могла она всерьез думать, что я способен причинить им вред. Ах да! Нож. Но это случайность! Я просто забыл о нем. Я немедленно уберу его.

И я швырнул его в сторону. Линнет взвизгнула, когда он с лязгом ударился о кухонную настенную плитку.

Из-за входной двери послышался голос Фергюсона. Он кричал своим хриплым, пропитым голосом, чтобы я прекратил все это и сдался.

Господи! Как он назвал меня, этот боров! Безмозглый полицейский, разве он не понимает? Там наверняка уже полно

репортеров, а он... Что они напишут у себя?

– Ублюдок! – ору я во всю глотку. – Меня зовут Дэвид Блисдейл, тупой ты урод! Блисдейл!

Они, каждый из них, только и делают, что норовят все испортить, разрушить то, что создано было не ими. Неужели они действительно не понимают? Разве такое возможно, чтобы весь город состоял из одних тупиц? А может, они нарочно?

– Не делай глупости, – кричал Питерс.

Но я уже не слышал его. Меня осенила догадка.

– Вы... вы нарочно, – сказал я, глядя в предательское лицо своей второй половинки, перекошенное лживым ужасом, – вы нарочно мешаете мне, – перешел я на шепот.

Нож снова оказался в моей руке.

Только теперь я о нем помнил.

Глава 1

Первые лучи утреннего августовского солнца бледным золотом разливали свет по улицам Рима. Не спеша, наслаждаясь прохладой, Грейс Хейли шла по узким улочкам к пересечению Савое и Мантове. Город уснул совсем недавно и очень скоро проснется. Что ж, она успеет. Ее интересовал пожилой мужчина с длинными пальцами левой руки, с тростью, увенчанной причудливым набалдашником. Он куда-то спешил, спина его была немного сгорблена, а ноги застыли в широком шаге. Впрочем, размышляла Грейс, почему, собственно, «старик»? Возможно, он еще молод, просто тяжелая жизнь состарила его раньше времени, придала фигуре сутулый вид... Нет, первое впечатление – самое верное. Не нужно вступать с ним в противоречие, оно еще ни разу не подводило ее.

Грейс остановилась у нужного ей дома. Сняв рюкзак и положив его на асфальт рядом с фонарным столбом, она не торопясь прошла вдоль фасада. Грейс не помнила точно, где видела этого старика, на какой из сторон двухэтажного дома: Рим она знала плохо и не могла точно сказать, с какой улицы они пришли сюда в прошлый раз, два дня назад, в день ее прилета, когда Маттео познакомил Грейс с новым куратором, Альдо Сальви, который, собственно, и занимался организацией вернисажа в этот раз. Грейс проработала с Мат-

тео не один год, и расставание (в профессиональном смысле) с другом они решили отметить, перетекая из бара в бар. А возвращаясь в гостиницу и решив немного прогуляться, она заметила старика на фасаде дома, рядом с которым сейчас находилась.

Становилось душно. Грейс размяла плечи, оттянула ворот белой футболки и подула под нее. Завтра ей предстояло весь день провести в каком-нибудь дурацком платье, какое подберет для нее Амелия, и только от одной этой мысли она сразу устала. Почему нельзя открывать собственную выставку вот в этих самых джинсах и футболке, что сейчас были на ней? Можно, конечно, но Амелия будет весь вечер бросать на нее такие взгляды, что уж лучше потерпеть.

Ага, вот он.

Грейс даже не пришлось вглядываться в облупившуюся штукатурку: Старик с тростью бросался в глаза с первого же взгляда. Его очертания отчетливо читались. Она сделала шаг назад и склонила голову набок, разглядывая трещины и сколы. Старик спешил куда-то, подальше от нее, от всех, бросая короткий торопливый взгляд через плечо. Грейс достала телефон и сделала несколько фотографий, на всякий случай, если не успеет нарисовать его до того, как тихая улица перестанет быть таковой.

Она расстегнула рюкзак, извлекла из него все необходимое: планшет с закрепленными на нем несколькими листами пастельной бумаги и футляр с угольными карандашами. По-

думав, Грейс поменяла местами листы на планшете, закрепив первым более зернистый лист, с грубой фактурой.

Через полчаса она закончила. Старик вышел чуть более вытянутым, чем должен был быть. Она рисовала с рук и это немного мешало ей выбрать правильный угол планшета для передачи перспективы. Но если она решит перенести его на холст, то учтёт это, так что не страшно.

Грейс вспомнила о муже. Дилан всегда поддразнивал ее, когда она часами исправляла то, что видела только одна она. Неуловимые нюансы. В такие моменты она обычно просто улыбалась, не вдаваясь в подробные объяснения, что фиксация предмета на бумаге с фотографической точностью помогает ей уловить скрытую суть, прочувствовать каждый фрагмент причудливого узора, созданного самой природой, ее физическими законами.

Дилан промелькнул в ее памяти на какое-то мгновение, но этого было больше чем достаточно, чтобы в горле предательски запершило, а глаза увлажнились. Как-то незаметно для них обоих ссоры стали делом привычным. Грейс не хотела вспоминать вечер накануне вылета в Италию, ведь через несколько часов ей предстоит быть улыбчивой, открывать свою выставку, а испорченное настроение вряд ли пойдет на пользу дела, но приказать себе не думать о муже у нее не выходило. Она вспомнила его лицо, когда обернулась, чтобы попрощаться.

Дилан пил кофе, водил пальцем по экрану смартфона, а

когда оторвал взгляд от телефона и посмотрел на Грейс, у нее что-то екнуло внутри. Взгляд человека, с болью и сожалением решившего сделать серьезный шаг. Уж что-что, а эмоции Грейс считывала с людей практически безошибочно. Легкий прищур или же слабая, еле заметная улыбка, когда глаза остаются печальными; и сама эта печаль. Грейс глядела в лица людей, как в книгу с подробным описанием творящегося в душах беспокойства или, наоборот, счастья, а может, и безразличия ко всему.

Дилан собирался уйти от нее.

Но больно было не только от того, что брак ее трещал по швам, что, возможно, когда она вернется домой, ее никто не встретит, а на письменном столике в гостиной будет лежать извещение о разводе. Обида – вот что ранило сильнее всего. Впрочем, сколько еще она могла просить его дать ей время? Пять лет? Десять? Да и наступит ли это время?

Грейс убрала в рюкзак блокнот и карандаши, сделала несколько фотографий старика под разными углами. Пора возвращаться в гостиницу. Через два часа за ней заедет Амалия и начнется сумасшедший дом. Она придет по меньшей мере с тремя разными платьями и заставит перемерить по сто раз каждое, пока, матерясь и проклиная все на свете самыми последними словами, не убежит за четвертым.

Грейс улыбнулась, ухватила за образ вечно ворчливой и всегда чем-то недовольной Амалии, и хорошее настроение вернулось к ней. Пора возвращаться в гостиницу.

Вот только заглянет в этот подвальчик за бутылочкой белого вина. Он должен уже открыться, наверное.

Глава 2

Стекло и бетон. Много стекла и бетона, много металлических перекрытий, не несущих никакой функциональной нагрузки, они там лишь для эстетического подчеркивания современного дизайна.

Музей Макро.

И внутри его хранятся покрытые искусственной кровью двухметровые блоки, причудливой формы сложные фигуры... По большей части – работы итальянских художников и скульпторов нового века. Но случается, устраивают в Макро вернисажи именитых художников других стран.

Для Грейс Хейли, художницы из Нью-Йорка с мировым именем, выбрали интересное место в музее. Ее работы разместили на террасе. Стеклянные лестницы ведут на нее. Солнечный свет не страшен работам Грейс: она не оценивает законченную работу и в один доллар, боязнь испортить картину – чувство, ей не свойственное. Главное – ухватить детали при создании картины, передать в полной мере все нюансы. Это самое сложное, самая кропотливая и въедливая часть работы, но как только Грейс отыскивала каждую крупницу, каждый микроскол, без которого невозможно передать всю полноту выбранного в качестве модели объекта – образ отпечатывался в памяти художницы навсегда. И восстановить картину после этого она могла за считанные часы, ну или за

несколько дней, если картина была большой по размеру. В первой работе отнюдь не больше ценности, чем в ее копиях. Да и не копии это вовсе. Или даже вот: и первая, и все последующие ее копии – это уже копии. Оригинал же хранился в голове Грейс.

Разумеется, организаторы знали это. И выбрали террасу. Однако даже Маттео, с которым Грейс проработала вместе не один год, всегда с недоумением глядел на то, как она небрежно относилась к своим полотнам, и пускай манифест составлял он лично, все же понять он так и не смог: например, сегодня самая скромная в материальном плане картина Грейс, представленная на выставке, оценивалась в сорок пять тысяч евро.

– Парейдолическая иллюзия, – говорила Грейс, обращаясь к гостям. Бокал шампанского она держала в ладонях, слегка покатывая его. – Так по-умному называется то, что мы все с вами, люди не ученые, привыкли называть более поэтично. Игра воображения, причудливость природы, ее фантазия. Живопись, как и любой вид искусства, как в целом и все в нашем мире, должна развиваться, идти вперед, искать новые выразительные средства. Это понимали еще в эпоху позднего Ренессанса, когда загнанная в жёсткие тематические и выразительные рамки живопись стала вырождаться. Она изжила себя, художники начинали повторять друг друга, работы их постепенно становились пресными. Скучными, короче говоря. Делакруа посеял зерно, импрессионисты

взрастили это зерно. И в результате двадцатый век подарил нам несметные сокровища в виде работ художников, творивших в немыслимых для консервативной академии стилях. Это уже было не Возрождение, но рождение новой эпохи живописи.

Грейс взглянула на Амелию, которая стояла возле лестницы, ведущей на крышу музея, и выразительно закатила глаза, когда взгляды их встретились. Грейс подмигнула подруге.

– Шучу-шучу, – продолжила она, улыбнувшись. – Надеюсь, вы не решили всерьез, что я собираюсь проводить нуднейшую лекцию на тему современного искусства? Ее можно провести за несколько секунд, уложившись в одно предложение. Современное искусство – лотерея, в которой шансы равны у всех, вне зависимости от способностей.

По толпе прошел легкий смешок. Грейс продолжила:

– Мои картины суть природа человека, его глубинное «я», скрытое от глаз посторонних и порой от самих себя. Именно это самое глубинное я стараюсь показать, работая над новым полотном. Прелесть в том, что не приходится ждать волну вдохновения или еще что-то в этом роде. Сюжеты вокруг нас, они скрыты в деталях. Детали – вот что главное. Нужно уметь обращать на них внимание, подмечать их. И тогда каждый скол на стене вашего дома расскажет вам целую историю.

Грейс подошла к одной из своих картин, над которой, как и над всеми остальными картинами, висела фотография. На

ней был запечатлён угол дома. Разводы после дождя оставили причудливый узор.

– Я не ищу вдохновения, – повторила Грейс, глядя на фото, – нам дарит образы природа. В один из дней мне подарил их дождь. Он изобразил семью из трех человек на обшарпанной стене старого дома. Посмотрите внимательно на женщину. Бесспорно – это мать этого мальчика. Сколько трепетной любви в ее образе, в наклоне ее головы, во взгляде, устремленном на ребенка. А мальчик! Как он смотрит в ответ! Эта женщина – все для него, Вселенная, книга, в которой есть ответы на любые вопросы. Трепетный союз, оберегаемый глыбой-мужчиной с суровым взглядом, стоящим позади, – отцом.

Она переходила от картины к картине, вкратце рассказывая о каждой, но мысли ее были прикованы к «семье». Грейс уже знала, что не станет ее продавать, если сегодня найдется тот, кто решит приобрести мрачное монохромное полотно. Эта картина стала для нее слишком личной, перешла в иное измерение восприятия своих же собственных работ. Нет, ее она не продаст. Даже само слово это теперь царапало ей слух. Продать. Однажды она уже продала.

Эта выставка была первой с тех пор, как нашелся Эрик. Она должна была состояться еще несколькими месяцами раньше, но именно два месяца назад Грейс пребывала в таком состоянии, что думать было сложно не только о каких-то там выставках, но и думать вообще о чем бы то ни было. В

случившееся невозможно было поверить, нельзя было принять и, что было совершенно невозможно, расценить произошедшее каким-либо образом. Что это, шанс исправить страшную ошибку молодости или наказание за эту ошибку?

Два месяца назад, когда он нашелся, когда шок прошел и перед глазами перестал всплывать металлический крестик ее матери с расплавленной левой его частью и прикипевшей к основанию, крестик, который невозможно спутать ни с каким другим крестиком, когда он перестал мельтешить перед глазами и путать все мысли, Грейс решила, что ей выпало совершенно незаслуженное счастье исправить ошибку молодости, наверстать упущенное прошлое, искупить вину и полюбить Эрика, а если это возможно, если она каким-то образом заслужила и это – Эрик полюбит в ответ.

Но сейчас Грейс начинало казаться, что не увидать ей ни прощения, ни светлых лет со вновь обретенным сыном – ничего, кроме бед. Старая рана разошлась, заболела с новой силой, и соль сыплется в нее пудами.

Грейс вымывает ее спиртом. Это больно вдвойне, но терпеть как-то легче. Эрик – парень, вобравший в себя пороки всего человечества, он самоуничтожается. И это ледяным потоком мутной воды вымывает остатки песочного фундамента, на котором зиждились ее чаяния на счастливый исход этой невероятной встречи, невозможной встречи матери с сыном, которого она бросила много лет назад на пожарной станции города Кваден.

И что хуже всего – вновь закопошились сволочные мысли. Грейс боялась задать этот вопрос самой себе, потому что не была уверена, что ответит на него правильно. Она гнала его еще до того, как он оформлялся в целое, законченное предложение, как гонят некоторые фразы, ни с того ни с сего появившиеся в сознании и «произнесенные» внутренним голосом. «У меня рак». «Завтра я умру». Их обрывают, не заканчивают. Так же и Грейс. «Ты жалеешь, что твой сын нашел...»

Да, она начинала жалеть об этом. Впрочем, это было не совсем сожаление. Скорее, страх. Страх, что ей не удастся вытащить мальчика из болота, в котором он оказался, конечно же, по ее вине. Он родился в этом болоте; болото это – его мир, и другого он не знал. Лишенный детства и материнской опеки, Эрик воспитывался улицей, ее суровыми законами.

Стоп, приказала себе Грейс, хватит. Все будет хорошо, самое главное – снять парня с крэка, а дальше будет легче. Всем нам будет легче.

К ней подошла Амалия.

– Ты в порядке? – спросила она негромко.

Грейс улыбнулась:

– Да, все хорошо.

Она солгала. И Амалия прекрасно это понимала. Они знали друг друга еще с художественного колледжа и за эти годы сблизились по-настоящему. Если у Грейс и была подруга, так это Амалия, ее правая рука, администратор от природы, без

которой у Грейс не получилось бы организовать ни одну стоящую выставку. И, конечно же, Амалия знала об Эрике: об Эрике брошенном и Эрике, обретенном вновь спустя многие годы. И она знала, что воссоединение их лишено счастья, оно болезненно, оно шипасто, оно бесприсветно.

– Что-то опять с Эриком? – спросила Амалия. – Что он натворил в этот раз?

– Ничего. Правда. Вернее, я не знаю. Может быть, что и натворил, может быть, вляпался в какую-нибудь историю. Он пропал за день до моей поездки сюда, телефон не отвечает, сам не звонит, я подозреваю, что он снова сорвался, ушел к друзьям за новой дозой.

Амалия не любила говорить дежурных фраз в подобных случаях. Если она не могла помочь ни словом, ни делом, она предпочитала промолчать. Сейчас она не могла помочь ничем. И она промолчала.

– Ами, – сказала Грейс.

– Что?

– Если кто-то заинтересуется сегодня покупкой этой картины, – она указала на «семью», – она не продается.

Амалия кивнула, вернула на лицо дружелюбную улыбку и пошла к гостям выставки, обмениваясь то с одним, то с другим короткими репликами о представленных сегодня работах выдающейся художницы современности Грейс Хейли.

Крестик, о котором Грейс уже редко вспоминала и который вспышкой сварочного аппарата ослепил ее два месяца назад, принадлежал ее матери, Джинжер Хейли. Она носила его всегда, сколько Грейс ее помнила, и в последний день он был на ней, разумеется. Джинжер успели вытащить из дома до того, как деревянные балки, обгорев, рухнули, потянув за собой крышу. Но все равно слишком поздно. Она погибла не от ожогов, хотя и их хватало на теле несчастной женщины, Джинжер задохнулась угарным газом.

Грейс тогда было пятнадцать. Возраст бунтарства, пафосного романтизма в мрачных готических цветах. И в память о матери она оставила этот оплавленный крестик. Все как в кино, как в любимых подростковых книгах. Крестик напоминал ей о матери, о ее злосчастной судьбе, о последних часах ее жизни, о том, что накануне утром они поругались и Грейс не успела попросить прощения. Бог знает, о чем еще напоминал ей крестик, но ничего этого не формулировалось в осознанную мысль. Достаточно самого драматизма. А то, что, глядя на него, Грейс каждый раз испытывала боль и он не давал этой боли утихнуть – возвращал своим видом в тот роковой вечер, – это еще нужно уметь разглядеть. В пятнадцать лет это трудно.

Грейс носила его на шее год после смерти матери. Пока

не родился Эрик.

Его невозможно спутать ни с каким другим. Он уникален. Уникальным его сделал огонь, спаливший дотла их дом; огонь, ядовитый дым которого убил ее мать; огонь, перечеркнувший ее жизнь на «до» и «после». И, быть может, если бы не он, Грейс бы не поступила так, как поступила, но история, как известно, не любит сослагательного наклонения, поэтому Грейс никогда не пыталась оправдать себя этим.

Да, тот крестик не перепутать с другими, не забыть его, даже если не видеть долгие годы. Собственно, он не был крестом, если говорить о нем как о геометрической фигуре. Скорее он напоминал перевернутую букву «л». Одно из перекрестий оплавилось, прикипело к вертикальному основанию.

Оставляя новорождённого сына в детском боксе возле пожарной станции, Грейс надела этот крестик на малыша. Зачем она это сделала? Без особой причины. Вероятно, где-то в глубине души она хотела сохранить связь с ребенком, пускай и символическую, хотела дать ему хоть что-то. А может быть, и ничего такого она не думала, а поступила по натию, разве вспомнишь это сейчас? Думая об этом спустя двадцать лет, приходится пробираться к мыслям о крестике сквозь презрение и отвращение к себе, об эту скалу тошнотворно-болезненных мыслей разбиваются все прочие, в том числе и попытки понять, зачем она оставила на хрупкой шее малыша материн крестик.

Сначала она увидела крестик на тощей загорелой шее. Затем грязно-серый шнурок, на котором он висел. Тогда дыхание Грейс сбилось, в глазах потемнело, она решила, что сейчас потеряет сознание. И только потом она увидела лицо юноши. Чужое лицо: не было на нем ни знакомых глаз, немного резких скул, как у самой Грейс, ни легкой горбинки у основания переносицы, как у Майлса, безмозглого панк-рокера, давшего от нее деру, едва узнав о беременности. Ничего с первых секунд не усматривалось в том лице, что должно было поразить ее, словно разрядом тока. Кроме тускло играющего на солнце серебряного крестика. Без сомнений, того самого...

Совершенно случайно, спустя двадцать три года, она встретила сына. Так ей подумалось в первые секунды. И так оно оказалось на самом деле.

Она встретила его у дверей «Джейнис Арт», после скромной выставки своих работ, поздним вечером. Бросила рассеянный взгляд на худого паренька в выцветшей красной футболке и рваных джинсах. И крестик на его шее ослепил Грейс!

Ноги ее едва не подкосились, но она продолжила по инерции идти в сторону такси. Села, несколько раз глубоко вдохнула, перевела дух и только после этого решила обернуться на парня в красной футболке. Он стоял на том же месте, безразлично пялясь по сторонам. Он был болезненного вида, слишком худ для своего роста.

Сердце Грейс бешено заколотилось. Она не могла сосредоточиться ни на одной мысли. Прошное ударило по ней столь неожиданно и столь сильно, что осмыслить происходящее было совершенно невозможно. Таксист терпеливо ждал. Грейс оплатила поездку, но попросила не ехать, а оставаться здесь, на месте. Это первое, что она смогла придумать. Ей нужно было время прийти в себя, она молилась, чтобы парень никуда не ушел, чтобы остался стоять на том же самом месте, потому как уйди он сейчас, Грейс не сможет найти в себе силы последовать за ним. Что сказать? Господи, как представиться? Одно она понимала: потерять теперь из виду парня в красной футболке – значит лишиться покоя на всю оставшуюся жизнь.

С каждым годом, становясь взрослее, приближаясь к сорокалетнему юбилею, Грейс все чаще думала о сыне, о том, как она поступила с ним много лет назад. Когда она оставила его в «колыбели» у пожарной станции, что-то погибло в ней самой, что-то, чего она не могла заметить в силу юных своих лет и присущего этим годам эгоизма. И это что-то осталось в ней, разлагалось, гнило, заражало организм, причиняло боль. Боль эта становилась с годами все сильнее и сильнее, переросла в хроническую, тупую и непреходящую.

Нет, потерять его еще раз она не могла. Никак не могла.

И она не потеряла. Она нашла в себе силы подойти к нему. Подобрала какие-то слова, чтобы начать разговор, нашла мужество, сев с ним в кафе, рассказать, кто она. И был долгий

разговор, были слезы, были жалкие извинения, и был растерянный взгляд парня в красной футболке, Эрика, ее сына...

С тех пор прошло больше четырёх месяцев. И за это время жизнь Грейс превратилась в кошмар.

Эрик был болен. Он был наркоманом. Он вырос угрюмым, нелюдимым парнем. От его рассказов о себе сердце Грейс обливалось кровью. Ведь это из-за нее жизнь Эрика сложилась так, как сложилась.

Выставка в Риме – первая за четыре месяца. Грейс отказывалась от всех прочих предложений, всецело посвятив свое время налаживанию отношений с Эриком. Шаг за шагом выкладывая хлипкие доски моста, соединяющего пропасть между ними. Пропасть обид, злости, сожалений, недоверия. Что только не лежало на дне этой пропасти!

Спустя время Грейс предложила Эрику переехать к ним с Диланом. Ведь это и его дом! «Теперь это твой дом, Эрик». Но парень наотрез отказался. Разумеется, Грейс не настаивала. Она лишь подчеркнула, что отныне он может жить у них, если только сам этого захочет.

С первых дней их общение стало строиться на деловой основе. словно два бизнесмена, попавшие в затруднительное положение, искали они друг перед другом пути решения. Грейс, не имея, разумеется, подобного опыта налаживания коммуникаций, не зная, как правильно выстраивать отношения, и в силу своего пробивного характера решила, что в первую очередь необходимо устранить финансовые про-

блемы сына (как странно ей произносить это слово! Впрочем, Эрика она называла по имени, не решаясь и не чувствуя за собой права называть его сыном. По крайней мере, сейчас).

Конечно, начинать стоило с самого главного – вылечить парня от наркозависимости. Но почва эта еще зыбкая, еще слишком мало они знают друг друга. От излишнего усердия могут проломиться доски хлипкого моста отношений. Пошлет к черту – вот и весь разговор. Впрочем, судя по всему, Эрик и сам не прочь избавиться от смертельной привычки.

Проблема заключалась и в Дилане. Эрик не понравился ему с первой же минуты. «У него глаза злые, страшные глаза, ты разве не видишь?»

Конечно, она видела. «Видеть» – ее профессия, ее дар, принесший ей признание в мире современной живописи, сделавший ее живым классиком. Но она также видела и другое: молодого парня с изуродованной по ее вине судьбой. Нет, это не преувеличение, не пафосное самобичевание. Это правда. Отказавшись от ребенка, она задала вектор развития его судьбы. Конечно, Эрик мог попасть в любящие руки, в семью, которая воспитывала бы его с теплотой и нежностью, как собственное дитя. В такой семье он и рос, по его словам. Однако какими бы заботливыми ни были приемные родители, они все равно оставались приемными. По крайней мере, в мыслях брошенного родной матерью ребенка. Сам факт, что ты, еще безгрешный, еще только первые недели смотря-

щий на этот мир, можешь оказаться кому-то ненужным, порождает в тебе комплексы. Они медленно вызревают, но ты не знаешь о них, если не знаешь, что живешь с чужими родителями. Эрик знал. От него это не скрывали.

Да, у Эрика были злые глаза. И что из этого? Он ее ненавидит? Возможно. А возможно, ему совершенно наплевать на нее, и это, скорее всего, так. Сложно ненавидеть того, кого не видел ни разу в жизни и ничего совершенно о нем не знаешь. Эрик смотрел на Грейс, как на счастливую возможность исправить кое-какие проблемы в своей жизни. Она была достаточно богата для этого. Эрик – человек, свалившийся на самое дно социальной ямы. У таких, как он, иное мироощущение. Понятия морали и нравственности им неведомы, или, вернее сказать, они игнорируют их. Они прекрасно понимают, что ограбить человека, лишиться его, может быть, последних денег, необходимых для чего-то очень важного, – это плохо, это ужасно, это будет угнетать их в те редкие моменты, когда организм не будет нуждаться в новой дозе наркотика, потому что только что ее получил. Но они все равно пойдут на это еще раз и еще. И еще.

Все это Грейс видела. Она прекрасно понимала это. Понимала также и то, что в одночасье этого не исправить, не изменить за короткий срок. Может, не изменить вообще ни за какие сроки. Но это ее крест, сколоченный и водруженный на собственные плечи собственными же руками. И тащить его ей, иного выбора нет, и надеяться, что когда-нибудь Эрик

примет ее, простит и полюбит. Вечная женская проблема – дать, что в ее силах, изменить подонка. Да, проблема вечная, однако случай все же отличается в самой основе. Она сделала Эрика таким!

– Ты ведь его не любишь, – сказал как-то Дилан.

– Нет, – ответила Грейс честно, – но я полюблю.

– Это так не работает.

Грейс вспыхнула:

– А как это работает?! Что ты предлагаешь? Снова его бросить? Первый раз я отказалась от сына, потому что испугалась, что не справлюсь. Испугалась за свое будущее. И теперь поступить так же?

Дилан не ответил. Он не знал, что ответить. Слова жены были правильными. Человечными. Он встал и вышел из гостиной.

Тот разговор случился вечером, после того как Эрик вернулся. Он вынес все драгоценности Грейс и золотые часы Дилана. Он и наличку прихватил, к счастью, ее было в доме совсем немного.

Его не видели несколько дней. Потом он объявился. Он еле стоял на ногах.

– Привет, ма, – сказал он, растянув рот в глумливой пьяной улыбке.

Грейс молча отступила, пропуская Эрика в дом. Дилан сидел на диване, в руках у него был бокал с бренди.

– Привет, – бросил ему Эрик.

– Присядь, – строго сказал Дилан, – давай поговорим. Ты способен говорить? Или ты пьян в стельку?

Эрик презрительно прыснул и повалился на диван напротив Дилана.

– Ты под кайфом?

– Не-а.

– Покажи вены.

Эрик хохотнул и показал руки без единого следа от инъекций.

– Ну ты дебил! Я крэк курю.

Дилан побагровел и вскочил на ноги, что сильно напугало Эрика. Парень закрыл голову руками.

– Ты чего?! Я же пошутил!

– Дилан! – вмешалась Грейс.

Но Дилан и не собирался трогать Эрика. Он лишь брезгливо посмотрел на него.

– Боже, – сказал он, – дешевая клоунада.

Эрик хмыкнул и завалился на диван.

– Можно я у вас переночую? – спросил он, засыпая.

– Разумеется, – ответила Грейс как можно суше, однако сухость эта была наигранной. Она чувствовала жалость к этому несчастному существу, к своему сыну. – А завтра мы обо всем поговорим.

– Ты о цацках?

– Дело не в них. Если тебе нужны деньги, ты мог просто попросить у меня.

– Мне всегда нужны деньги. Кому они не нужны?

– Иди наверх, в комнату.

Эрик вздохнул и поднялся с дивана. Заплетающейся походкой пошел к лестнице, уронив при этом вазу с декоративными цветами. Раздался грохот разбившегося стекла.

– Упс, изв-извините.

Дилан стиснул челюсти и отпил большой глоток бренди из бокала. Не зная, что дальше делать, включил телевизор.

«...Маск анонсировал дату выхода смартфона. По заявлениям самого Илана, теслафон произведет революцию на рынке смартфонов. На прошлой неделе его компания выкупила мессенджер «Золтон» за один и семь миллиардов долларов. Ожидается, что «Золтон» станет предустановленным мессенджером в теслафоне, с полной интеграцией...»

Эрик присвистнул. У него, правда, получилось что-то вроде выпущенного из колеса воздуха: фью-ю-ю...

– Нормально, – проговорил он невнятно, поднимаясь по лестнице, – один и семь за это глючное говно.

Он споткнулся, выругался, что-то еще пробормотал себе под нос и скрылся из виду. Хлопнула дверь, наступила тишина.

Первой весточкой, говорящей о том, что в их отношениях наступило положительное изменение, стала просьба Эрика помочь ему излечиться от наркозависимости. Грейс нашла для него лучшую клинику в штате, оплатила его содержание в ней. Но уже через неделю Эрик сбежал.

К тому времени Грейс прониклась к сыну теплотой. Его мольба о помощи пробудила в ней первейший из инстинктов – материнский. Эрик нуждался в ее помощи, он сам попросил об этом, он доверился ей. И сбежал. Это было ожидаемо, хотя Грейс очень надеялась, что этого не произойдет, что парню достанет мужества и силы воли пройти необходимый курс лечения.

Грейс была заряжена на борьбу, она готова была сделать все, что в ее силах, для спасения сына. В этом было ее искупление. Эгоизм, безусловно эгоизм, но – здоровый. Тот самый эгоизм, из-за которого люди просят клясться друг другу в верности и редко прощают измены. Эгоизм любви. Это же был эгоизм спасения души. Впрочем, Грейс не верила в бога, она спасала не душу, она спасала совесть.

И всё-таки не только о спокойном ночном сне беспокоилась Грейс. Мальчик действительно стал ей близок за то короткое время, что они были знакомы. Его проблемы, пропущенные через фильтр ее собственной ответственности за несложившуюся судьбу мальчика, воспринимались ей с каждым днем все болезненнее.

Отношения с Диланом становились все хуже. Он хотел, Грейс знала это, очень хотел принять новую действительность. Но не мог. Он не чувствовал к Эрику ничего, кроме опасливой брезгливости. Для него это был взрослый мужик, наркоман и пьяница, со злобным взглядом, полным ненависти ко всему окружающему и к ним с Грейс в частности.

Неудачник двадцати с лишним лет от роду, поселившийся в их доме. Он все понимал. Но принять не мог. И ладно бы парнишка был отличным малым, пускай и обиженным на Грейс, пускай и путь им пришлось бы пройти огромный, Дилан шел бы рядом, без сомнений шел бы. Но Эрик вырос волчонком. Диким, злобным, эгоистичным. Он был одним из тех, кто несколько раз по жизни меняет джинсы и футболку на оранжевую робу и носит ее годами. Правда, Эрику пока еще не довелось угодить за решётку, но – какие его годы. Впрочем, Грейс сделает все возможное, чтобы не допустить этого.

Эрик сбежал, но Грейс знала, где его искать. Он сам ей рассказывал. Он в «третьем круге». Это заброшенный супермаркет «Продукты от Джейкоба» на окраине города. Наркоманы и алкоголики всех мастей и возрастов давно облюбовали это место в качестве уютного гнездышка.

Собственно, сам супермаркет – это еще не «круг», это лишь ворота в него. С черного входа к нему примыкает огромное складское помещение, тоже давно заброшенное, наполовину сгнившее, без тепла и электричества. Вот туда-то и стекались все те, кто по той или иной причине выпал из социальной обоймы – маргиналы, чья жизнь сводится к постоянному саморазрушению.

Туда же заходят и дилеры. В «третьем круге» заключаются сделки: одни скупают краденые вещи, другие выманивают у наркоторговца дозу героина взаймы, третьи валя-

ются в темном углу, бессмысленно тараща тусклые глаза в потолок.

Власти не раз собирались снести «круг», готовились проекты новых торговых центров, спальных районов, церквей свидетелей чего бы то ни было, но «круг» оставался на месте, переваривая в своем чреве все новых и новых несчастных. И Эрик был среди них.

Грейс остановила машину напротив старого супермаркета и направилась к его входу. Она перешагнула порог, и в нос ей ударил застарелый теплый воздух с примесью пота и бог весть чего еще. Несколько молодых людей, играющих в покер возле бывших касс, бросили на Грейс короткий безразличный взгляд и вернулись к игре.

Грейс постояла у входа в нерешительности, оглядывая помещение. Затем направилась в глубь зала, интуитивно догадываясь, где может быть черный вход, ведущий на старый склад.

– Дамочка, куда прете?

Девушка лет двадцати полулежала на полу, опершись на стену. Грейс едва не наступила ей на ноги.

– Извините.

Как и ожидала, она нашла здесь Эрика. Он лежал на рваном диване, каких там было в избытке. И на всех кто-то лежал, сидел, прикуривал косячок, затягивал жгут на руке, пил пиво, играл в карты. На Грейс практически не обращали внимания. Очередная мамаша ищет своего непутевого отпрыс-

ка.

– Эрик, – сказала она, остановившись рядом с сыном.

Он медленно открыл глаза и посмотрел на нее:

– Ты чего сюда приперлась?

– Я за тобой.

– Какая ты сердобольная. Я тебя не звал.

– Давай выйдем на воздух.

– Слушай! – Эрик поднялся на локтях. – Я не смог, ясно тебе, не смог! Будешь рассказывать мне о том, что все можно преодолеть, что теперь ты рядом и все будет хорошо? Ни черта хорошо не будет! И... мне не нужна помощь. Может, мне и так прекрасно живется.

– Нет, – спокойно ответила Грейс, – ничего подобного я говорить не собиралась. Просто предлагаю сходить куда-нибудь пообедать. Я очень голодна, да и ты, думаю, тоже. Нет?

– Нет, – коротко ответил Эрик и завалился на диван.

– Эй, леди, я не прочь пожрать. Куда пойдем?

Грейс обернулась.

Парень с короткими красными волосами смотрел на нее и криво ухмылялся.

– Или знаешь, – сказал он, – пожрать я и один могу сходить. Подкинь пару долларов.

Грейс оглядела его снизу вверх и, не ответив, повернулась к Эрику:

– Пойдем, прошу тебя.

– Тетя! – крикнул парень с красными волосами. – Вас где

воспитывали? Это, знаете ли, невежливо – отворачиваться, когда с вами разговаривают.

Он лениво подошел к Грейс вплотную.

– Послушайте, – сказала Грейс, начиная немного волноваться, – что вам от меня нужно?

До нее наконец стало понемногу доходить, где она оказалась.

– Пару долларов, я вас попросил, если не жалко. Но если жалко, тогда другое дело, извините.

Тон его был вовсе не извиняющийся. Он был открыто издевательский.

Грейс вытащила бумажник и протянула красноволосому двадцать долларов. Тот, разумеется, успел бросить быстрый взгляд в ее бумажник и заметить там несколько сотенных купюр.

– А знаете что, леди? – сказал он, шмыгнув носом. – Я был бы вам весьма благодарен, если бы вы дали мне сто долларов. Видите ли, в чем дело, боюсь, двадцатки мне может не хватить на... гамбургер, вот если бы вы дали мне сотню. Оставьте мне свой номер телефона, чтобы я смог вернуть вам долг.

Он отвратительно улыбнулся.

Грейс посмотрела по сторонам. Всем вокруг были совершенно безразличны и она, и парень с красными волосами.

Грейс хотела уже протянуть ему все наличные деньги, какие у нее были в кошельке (не так уж и много – Грейс пред-

почитала кредитные карты), но вздрогнула и так и осталась стоять с купюрами, зажатыми в руке.

Что-то с треском разбилось о голову красноволосого. Он вскрикнул, свалился на пол и, обхватив голову руками, принялся жалобно скулить от боли. Эрик стоял рядом с Грейс, свирепо глядя на парня на полу. Желваки его ходили ходунгом. В руках он сжимал горлышко бутылки.

– Ты че, псих, что ли?! – плаксиво выдавил красноволосый. – Ты кто вообще такой?

Эрик отбросил горлышко в сторону, посмотрел на Грейс и сказал:

– Я тоже.

– М-м? – Грейс оторопело смотрела на парня, из головы которого струилась кровь, и сжимала в руке деньги.

– Я тоже голоден. Пойдем поедим.

Он взял из рук Грейс банкноты, сунул их обратно в кошелек и запихнул его в сумку.

Все это время Грейс продолжала смотреть на красноволосого. Очень противоречивые чувства испытывала она в этот момент. На душе у нее было и страшно, и тепло одновременно.

– Ну, идем или как? – сказал Эрик, который уже направился к выходу.

– Да, конечно, – ответила Грейс.

Глава 3

Моя жизнь стала превращаться в кошмар в тот самый день, когда я решил написать бестселлер. Я был болен и раньше, теперь это ясно, но безумие мое утихло, теперь оно не причиняло вреда ни мне, ни моей семье, ни кому бы то ни было. Я даже не знал, что могу быть настолько опасен. Впрочем, как и любой съехавший с катушек убийца не подзревает в себе плохих качеств до той поры, пока как-либо не пробудит их.

Писать я начал еще в школе, в начальных классах. Ерунду, конечно, – короткие рассказы, сейчас уже и не вспомню, о чем. Но главное тут не в самих рассказах, а в том, что я тогда чувствовал, когда неуверенным детским почерком выводил слово за словом. О, это я помню очень хорошо. Счастье! Игры со сверстниками меня мало интересовали. Они казались мне примитивными, упрощенными вариантами вымышленных миров. Я же, создавая истории на бумаге, не ограничивался ничем, кроме своей фантазии. А она у меня была богатая.

В старших классах я написал первый более-менее серьезный рассказ, который учительница по литературе отправила на городской конкурс подростковой прозы. Наверное, именно это событие стоит взять за точку отсчета. Тогда я занял первое место. Что такое первое место на литературном

конкурсе для четырнадцатилетнего сопляка, который в свои скромные лета мечтает стать писателем? Приговор. Да, приговор, сейчас я осознаю это. Победа на том проклятом конкурсе обрекла меня на долгие годы страданий.

Я вознёсся над миром! Я видел этот свой чертов рассказ на полках магазинов. Узкая дорога, по которой проходят лишь единицы писателей, дорога, ведущая туда, где на мраморных постаментах восседают великие классики, была теперь открыта и для меня. Разумеется, в ряды бессмертных классиков я собирался попасть не с одним жалким рассказом. Он служил всего-навсего индикатором, отображающим мои способности, фонариком, брошенным вперед, чтобы осветить темный, тернистый путь, по которому (в этом я тогда не сомневался) мне предстоит идти в будущем, и иной дороги мне судьбой не предусмотрено.

Примерно как-то так я рассуждал в то лето, получив пластиковую медаль.

Идиот малолетний.

Признаться, дурь эта из башки моей вылетела совсем недавно, а ведь мне уже тридцать пять, можно было и раньше поумнеть. Если в подростковом возрасте еще можно верить в сказки, то когда ты взрослый мужик, это пахнет кретинизмом. Да нет, не пахнет – воняет. Да что об этом говорить.

Рисовалась мне примерно следующая картина.

Вот он я! Мастер стиля. Жонглёр, умело играющий сло-

вами. Идеи роились под моей черепной коробкой. Их были десятки, только успевай выплескивать на бумагу. Еще год-другой будут «пробы пера», оттачивание «авторского почерка» на малой прозе, а там уже и за роман можно браться. Издатель, терпи! Терпи, стервятник ты этакий! Скоро придет к тебе тот, кто выведет твою жалкую конторку на мировой уровень.

И ведь шло все именно так, как я фантазировал. Это наполняло меня еще большей уверенностью в себе. Я был словно тот мужик из фильма «Матрица», который продал расположение Зиона за то, чтобы ему стерли память и сделали суперзвездой в виртуальном мире.

Уже к двадцати годам мой дебютный роман был дописан, вылизан и готов предстать на суд издателя. Как и положено двадцатилетнему человеку, иного исхода, кроме как сразить редактора наповал, я не рассматривал. И не было разочарования.

Я отправил рукопись по почте в несколько издательств, примерно через месяц мне пришел ответ от одного из них. Рукопись им понравилась, они были готовы заключить со мной договор. Рейтинг бестселлеров «Нью Йорк таймс» с моей фамилией в числе первых десяти замаячил перед глазами так явственно, что казалось, я уже в нем...

Казалось бы, мне грех жаловаться. В конце концов, я не придурок блаженный, как устроен мир – понимаю. Прекрасный старт, долгая и плодотворная работа с одним из круп-

нейших издательств страны (называть его не буду, к сути дела это не относится), по роману в год. Мечта начинающего писателя.

Если бы не тот несчастный, трижды мной проклятый конкурс юных писателей. Победа в нем распалила детские амбиции. Вот вам вскользь вывод прожитых лет: самое страшное, что может случиться с будущим человеком, это исполнение его заветных мечтаний на старте жизни, когда первые ступени лестницы, ведущей к звездам, ты пролетаешь одним махом, ни разу не споткнувшись.

Я занял свое место. Свою нишу среди собратьев по перу. Она располагалась посередине, между никому не нужными графоманами, завалившими интернет своими опусами, и лидерами рынка.

Посередине.

Самое поганое положение, какое только существует. Середнячок. Ни рыба ни мясо. С голоду не подыхал, но и денег особых не видел. Тьфу, да о чем это я?! В деньгах разве дело?

Другое рвало меня на части. Тропинка к пантеону литературных классиков заросла. Я больше не видел ее и не знал, как можно пройти по ней. Я – писатель, после смерти которого умирают и его книги. Онидохнут уже при жизни. Старые работы сменяются новыми, не оставляя после себя и тени желания у читателя возвращаться к ним вновь. Попкорн-литература.

Я стал писать триллеры очень скоро после того, как за-

ключил первый договор. Дебютный роман переработали, я не был против. Я думал, это на благо моей карьере. Впрочем, изменять в нем мало что пришлось, иначе я бы послал их к черту. Тогда я мог себе это позволить, ведь я был уверен в своих силах, уверен, что очередь из жаждущих заключить со мной договор издательств стоит за спиной и робко ждет своего шанса. Но кое-что исправить все-таки пришлось. Я согласился. Как-никак, у ребят опыт, а я, в сущности, был еще пацан.

Получил скромный тираж в две тысячи экземпляров. Неплохо для начинающего автора. Но и не хорошо.

Се. Ред. Няк.

Со временем мне позволили выйти за жанровые рамки. Я говорю «позволили», использую именно это унижительное слово, потому что к тому моменту, как мне стало тесно в границах серии, в которой я издавался, я уже не был так туп и наивен. Пускай мое скромное имя что-то да значило в литературных кругах, и сменить издателя я действительно мог себе позволить, но я также понимал и то, что ничего этим не изменить. И у других я стал бы легко заменимой рабочей лещады.

И в один прекрасный день мне стало плевать на амбициозные грезы о литературном бессмертии. Я захотел лишь одного – славы прижизненной, захотел видеть лучезарную улыбку свою на билбордах и в профилях социальных сетей мировых литературных пабликов. В двадцать я стремился в бес-

смертие через сверкающий вспышками фотокамер зал славы. В тридцать с лишним мне стало глубоко наплевать, куда этот зал приводит, лишь бы пройти по нему.

Старые мечты, пропущенные через призму цинизма, отфильтрованные, без шелухи, без лишних соплей: «О, боги, боги, даруйте мне жизнь вечную через труды мои писательские», без всего этого дерьма вернулись ко мне спустя треть жизни.

Это произошло одиннадцать месяцев назад. Именно тогда, осенью прошлого года, я всерьез решил написать книгу, которая сможет дать мне все то, о чем грезит любой, однажды взявший перо, – мировое признание.

Из любящего мужа, заботливого отца, верного друга, из хорошего человека я, одержимый безумной идеей, превратился в монстра.

Меня зовут Дэвид Блисдейл. Мою жену – Линнет. А сына – Тревор. Это имена наши, черт бы вас всех побрал, сволочей! Запомните их!

Роман закончен. Я заплатил за его написание слишком высокую цену. Отдал все, что было мне дорого – свою семью.

Теперь мне не получить ни славы земной, ни жизни вечной. У меня не осталось ничего, кроме темно-зеленых стен, железного столика, прикрученного к полу, кровати и клочка неба, порезанного на квадраты металлическими решетками. И в небе этом, в его высях, мне грезится моя Линнет. Мне невыносим ее взгляд, прощающий и, несмотря ни на что, все

еще любящий.

У меня нет будущего. Я смотрю в завтрашний день с ужасом. Нет, страшат меня вовсе не стены, не смерть, которая неминуемо придет за мной именно сюда, ибо адрес мой теперь уже вряд ли когда-нибудь изменится. С каждым новым восходом солнца мой сын становится старше. С каждым новым днем он превращается в мужчину. С каждым новым рассветом он ненавидит меня все сильнее... вот что невыносимо.

И отрада мне – перебирать в памяти годы прошедшие, наполненные любовью к жене и сыну и их любовью ко мне.

Мы были не лучше и не хуже многих. Се. Ред. Няк.

Мне больше не кажется это слово плохим. Оно прекрасно...

Цените ли вы обычный серый весенний день? Холодный зимний воздух? Дождливое осеннее утро? Изматывающий жарой полдень августа? Стаканчик кофе на бегу, когда опаздываешь на работу? Пробку в час пик? Мемы со смешными животными, которые ежедневно по десять штук скидывает вам ваша жена? Починку водопроводного крана в свой единственный выходной?

Ни черта этого вы не цените. Потому что вы идиоты и идиотки.

Такие же, как и я.

Просыпаясь по утрам, пережив приступ презрения и ненависти к себе, попросив мысленно прощения у сына, ко-

торый в новом дне ненавидит меня еще сильнее, чем вчера, я «бегу на работу со стаканчиком кофе», «отправляю веселый смайлик жене в ответ на очередное видео со смешным котом или собакой», «стою в пробке», «закидываю рулон туалетной бумаги в продуктовую корзину супермаркета»...

Я проживаю прекрасные серые дни, и серость их – есть буйство красок, стоцветная радуга!

Но, отравленный ядом тщеславия, я многое позабыл из «серого» прошлого. И боюсь, скоро забуду все. Будущего у меня нет, как нет и настоящего. И если я не сплю, если сознание мое в проклятом реальном мире, я переносусь в прошлое и блуждаю в нем, цепляясь мысленным взором за каждую деталь, тщетно стараюсь из песчинок сложить пирамиду потерянной навсегда жизни. Я верну свою жену, хотя бы в памяти.

Я познакомлюсь с Линнет вновь. Я вновь сделаю ей предложение.

Ничего не разглядеть впереди.

И я возвращаюсь назад.

Глава 4

Дилан встретил ее в аэропорту.

Он был приветлив, словно они расстались несколько дней назад совершенно обычным образом, и не было ссоры и тяжёлых взглядов, ничего этого не было. Перед ней стоял ее любящий и заботливый муж, он помогал закинуть вещи в багажник машины и даже шутил, впрочем, шуток не было, это Грейс зачем-то придумала, он просто вел себя формально-вежливо, даже казался немного смущенным. И большую часть дороги до дома они ехали молча, и холодные волны в груди Грейс поднимались все сильнее. Если бы он не приехал ее встречать, насколько бы ей сейчас было легче. Сидел бы дома обиженный, раздражённый, встретил бы ее на пороге насупившись и закрылся бы демонстративно в своем кабинете – как легко дышалось бы ей тогда!

Но он приехал в аэропорт. Как водитель такси приехал бы к клиенту. Без обид, без ссор. Сделал то, что должен был сделать: помог ей добраться до дома. И эта его улыбка – виноватая какая-то улыбка. И что в итоге, если собрать отдельные фрагменты картины в цельное полотно? А вот что – раздражение и обида. Чувства, которыми мы наполняемся после ссор с любимыми людьми, оставили Дилана после того, как он принял решение. Принял его взвешенно, обдуманно. И как только он его принял, ссора перестала его волновать,

значимость ее обмельчала, превратилась в нечто бессмысленное, глупое и совершенно пустое.

Он хотел уйти от Грейс.

Одно слово – и Дилан изменит решение. Одно лишь слово. Но как раз его-то и не могла произнести Грейс, как бы больно ей ни было сейчас.

«Впрочем, – подумала она, – с чего ты вообще эта взяла? Потому что муж встретил жену в аэропорту? По его мимике? По тому, что он не набросился на нее с упреками сразу по прилету, не продолжил отложенный на выходные разговор? Ты, дорогая моя, выводы выстраиваешь на ровном месте, доктор Хаус позавидовал бы тебе».

– Как все прошло? – спросил Дилан, сворачивая с магистрали на улицу, ведущую к их району.

Грейс улыбнулась. Искренне. Ей даже стало немного стыдно за эту улыбку. Возможно, сейчас, в данную секунду, ее жизнь расходится по швам, а она улыбается. Живопись всегда стояла у нее на первом месте. Дилан это знал, она это знала, хоть и не признавалась вслух.

– Мне предложили провести выставку в «Центр Холле».

– Я так понимаю, это весьма престижно?

– Мягко говоря.

– Что ж, поздравляю. Ты умница.

– Спасибо.

Вот и весь разговор за час дороги от аэропорта до дома. Солнце ушло за горизонт, когда их «Астон Мартин» оста-

новился у ворот гаража и Дилан заглушил двигатель. Грейс разобрала дорожную сумку, с наслаждением приняла душ, а Дилан приготовил ужин.

Готовил всегда он. Вытирая голову полотенцем и глядя, как Дилан сервирует стол к ужину, Грейс захотелось обнять его и никогда не отпускать. Она понимала его, и если он решил всё-таки развестись, что ж, упрекать его она не имеет права. Но все же легкая обида сидела в ней поганеньким червяком и медленно точила душу.

Он все знал, когда делал ей предложение. Принял ее такой, какая она есть, и сумел убедить, что и сам разделяет ее взгляды, и, пожалуй, искренне их и разделял. Но прошли годы, он изменил свое отношение, повзрослел, взлетел по карьерной лестнице и теперь перешел к новым мечтам, к новым видениям их будущего, в которое она, Грейс, войти не могла, не хотела, боялась. Нет, он все еще любил ее, Грейс это знала. Просто в один прекрасный момент Дилан почувствовал, что ему мало их двоих в этом огромном трехэтажном доме. Ему хотелось, чтобы из дальних гостевых комнат долетал смех, ему хотелось переделать гостевые в детские. Хотя бы одну комнату.

– Садись, – сказал Дилан, раскладывая по тарелкам стручковую фасоль.

Фасоль немного пригорела и была более сладковатой, чем обычно. Муж редко портил блюда, если уж брался готовить самостоятельно. А в этот раз добавил слишком много сахара.

«Какие пустые мысли лезут в голову», – подумала Грейс.

Она решительно отложила вилку, взглянула на мужа и уже собиралась сказать то, что нужно было сказать, чтобы снять наконец это идиотское, угнетающее нервы напряжение, но, встретившись глазами с Диланом, нежно улыбнулась и уже не так решительно и, главное, совсем без вызова произнесла:

– Я не могу, понимаешь? Мы множество раз с тобой это обсуждали.

– За десять лет я так и не смог привыкнуть к этой твоей дурацкой привычке внезапно возвращаться к разговору, который был начат несколько дней назад. И потом, «не могу» и «не хочу» – это два совершенно разных понятия, – беззлобно заметил Дилан.

– Разве так уж внезапно? Разве он не подвешен в воздухе над нашими головами с того момента, как ты встретил меня в аэропорту?

– Может быть. Но как бы то ни было, возвращаться к нему я не хочу. Не вижу смысла. Ты твердо решила...

– Я ничего не решала. И уж тем более твердо, – перебила его Грейс. – В конце концов...

«...В конце концов, ты знал обо мне все, когда делал предложение. А теперь ведешь себя так, словно я обещала родить тебе по меньшей мере тройню», – хотела сказать она, но не стала. И слава богу. Глупо бы вышло. Как в дешевой оперетке.

Грейс злилась на себя. Злилась за то, что, в сущности, хо-

тела того же, чего и муж. Она хотела детей. Множество раз представляла она себе, как выглядел бы их ребенок. С глазами отца, такими же серо-зелеными, большими и умными, с ее волосами – каштановыми, вьющимися... Она злилась на себя, потому что хотела того же, что и Дилан. Но не могла побороть себя.

Как только она представляла себя матерью, счастливой матерью прекрасного ребенка от любимого мужчины, петардой разрывалось в голове имя Эрик, и крохотное его лицо вспыхивало перед глазами, заслоняя собой прочие образы. И тогда чувство вины внезапно охватывало ее, душило, рвало душу на части, руки ее начинали трястись, комом что-то застревало в горле, не давало ни вздохнуть, ни разреветься в голос.

Но ведь прошло двадцать лет! Двадцать! И большую часть этих лет Эрик не бередил ее сердце, не волновал, не было Эрика ни в памяти Грейс, ни в образах других детей, которых она видела на детских площадках и в торговых центрах – повсюду.

Из года в год она жила тем, ради чего пожертвовала счастьем быть матерью – картинами. Впрочем, осознавала ли она тогда, чем жертвует? Разумеется, нет. Шестнадцатилетняя дуручка, залетевшая по глупости, так и не решившаяся сделать аборт, разве она чем-то жертвовала? Громкое слово это было придумано ею позже, в свое оправдание. На самом деле как раз на жертвы-то она и не была готова.

Она дала мальчику имя Эрик. Дала его в те дни, когда решила рожать. И время было упущено. И все чаще и чаще одолевала ее невыносимая тоска по загубленной карьере художницы, карьере, которую сулили ей с раннего детства, лишь только увидев ее работы. И тоска эта смешивалась с ужасом, ведь Грейс сама еще была ребенком. И стыд примешивался туда же. Она испугалась. Смалодушничала. Но аборт делать было уже поздно.

К тридцати годам имя Грейс Хейли знали все, кто интересовался современной живописью. Ее картины выставлялись на престижных выставках мира, она добилась всего, о чем мечтала.

И тут появился Эрик. И последние шесть лет не отпускал ее. Дьявол пришел просить расчет. Пора было платить за успех. Она заложила ему свою совесть, он долго держал ее у себя, вдали от Грейс, теперь вернул. Дьявол получил сполна, он всегда получает сполна с тех, кто вступает с ним в согласие.

Грейс не могла дать Дилану того, чего ему хотелось, – детей. Не могла психологически. Впрочем, их счастливая жизнь катилась под откос не только поэтому. Эрик – вот кто выбивал почву из-под ног. Вот где он? Последний раз он звонил Грейс за день до ее отъезда в Рим. Потом пропал. Конечно, он давно не ребенок. Он, в сущности, совершенно чужой человек, Дилан прав. И все же. Все же.

– Эрик не приходил? Не звонил?

– Нет, насколько я знаю. Но, может, стоит пересчитать серебряные приборы? Тогда мы узнаем, приходил он или нет.

– Дилан, перестань.

«Ну вот. Даже ужин не успели закончить», – подумала Грейс.

– Слушай, дорогая, – Дилан отложил вилку и нож, протер рот салфеткой, – я понимаю, ты...

– Не надо, не начинай. Не сейчас, хорошо? Я ужасно устала, рейс переносили три раза.

Дилан пристально посмотрел на нее. Затем встал из-за стола и принялся собирать посуду.

– Хорошо, – сказал он. – Ты права, конечно. Отдыхай.

Он сложил посуду в посудомоечную машину, поцеловал Грейс в щеку и вышел, оставив ее одну на кухне.

Грейс без аппетита доела остатки ужина и, прихватив бутылку вина, спустилась в подвал.

Он был переоборудован в мастерскую в первые же недели, как они с Диланом купили этот дом. Она работала под искусственным светом ламп, этого ей вполне хватало. Если же при ней начинали рассуждать о том, что настоящий художник должен творить только при свете солнца, Грейс снисходительно улыбалась. Такие люди мало что понимали в живописи. Снобы.

Иногда, когда настроение было игривым, она принималась объяснять им, что полосная точка обоснована исключительно техническими ограничениями живописцев прошлых

веков. Под светом свечей действительно сложно работать.

Снобы с ней не соглашались, Грейс теряла интерес, зевала, уходила, сославшись на занятость. На самом же деле ничто не навевало на нее столько тоски, как разговоры о живописи. Ирония заключалась в том, что окружающие, едва узнав, чем Грейс зарабатывает на жизнь, старались говорить именно об этом. Они рассуждали о естественном освещении, о гениальности «Черного квадрата», о том, что картины пишут, непременно «пишут».

«А если человек – и писатель, и художник, – спрашивала Грейс между делом, – и его спрашивают, чем он занимался вчера вечером. Как ему ответить? Писал книгу и картину?»

Потом ей снова делалось невообразимо скучно, и она, виновато улыбнувшись, уходила. «Все было супер. Надеюсь, скоро снова увидимся и так же посидим. До встречи».

Грейс спустилась в подвал и включила свет. Ее встретил привычный хаос, в котором она ориентировалась как рыба в воде. Здесь не было ничего лишнего, ничего, что бы как-то не относилось к ее работе. наброски углем на ватмане валялись под ногами, засохшая краска маленькими бугорками и рельефными узорами покрывала почти весь пол; кисти, меловая бумага, масляные карандаши, банки с грунтовой смесью, тюбики с акриловой, масляной и темперной красками. Единовластным хозяином стоял в центре подвала-студии мольберт. И все пространство вокруг служило только ему. Не было места, где бы не стояли картины. Они висели на

стенах, стопкой лежали на старом шкафу, пылились, накрытые серой промасленной бумагой. Келья художницы, уютная в своей неряшливости.

Грейс подошла к мольберту и какое-то время разглядывала стоящий на нем холст. Обычно у нее уходило несколько дней на создание картины. Иногда чуть больше, если работа выполнялась в классическом стиле: физика предметов и людей, глубина тени, проработка деталей. Порой она могла уложиться и за день, если работала с экспрессией, без оглядки назад, без исправлений, без подготовительных набросков. Стремительно. По наитию.

Но над картиной, что стояла сейчас перед ней, зафиксированная держателями мольберта – о! – над ней Грейс работала уже больше года. Множество раз она исправляла, корректировала, выбрасывала и начинала заново. И каждый раз, приближаясь к завершению, неожиданно замечала что-то новое на фотографии, служившей «моделью» для картины. И снова начинала исправлять, потом опять выбрасывала, чтобы начать сначала. Собственно, одной из причин, почему она согласилась поехать на выставку в Рим, была эта самая картина. Ей нужно было отвлечься от нее, «забыть». Нужно было, чтобы глаза отдохнули от этого холста. Она теряла объективность. Она заработалась. Каждый новый вариант выходил хуже предыдущего.

Сейчас работа была почти закончена.

Грейс видела в черно-белом силуэте мужчины, сгорбив-

шегося над письменным столом, целую Вселенную. Вселенную этого самого мужчины, его мир, его прошлое и будущее. Сотни деталей вокруг рассказывали Грейс о нем больше, чем смогла бы поведать распухшая от страниц книга. Она знала, где он родился, где вырос, знала, что он небогат (разбитые ботинки со стоптанными каблуками), знала, что он любит на завтрак (рядом с письменным столом стояла тарелка с остатками яичницы), что он одержим своей работой так же, как она одержима своей, и что за эту одержимость он заплатил немалую цену. Так же, как и она.

Мужчина на холсте, сидящий к ней спиной, сгорбленный над письменным столом, с растрепанными волосами – лучшая из ее существующих работ. И, пожалуй, из всех, какие ей еще предстоит создать.

Она пробыла в мастерской до глубокой ночи. Стараясь не думать ни о Дилане, ни об Эрике (где он теперь?), она наносила последние штрихи на «мужчину за письменным столом» и легла спать лишь под утро.

Она бы проспала, по меньшей мере, до обеда, если бы не телефонный звонок, который разбудил ее в одиннадцать. Звонок этот не просто разбил ее, он вышиб из Грейс сон пушечным выстрелом.

Откашливаясь, извиняясь и поминутно уверяя, что в следующем году непременно устроят ее персональную выставку в лучшем своем зале, Грейс сообщили, что вернисаж в «Центр Холле» отменяется. В программе произошли кое-ка-

кие изменения, и в связи с этими изменениями ее картины не будут представлены в этом сезоне.

Когда к Грейс вернулся дар речи, она спросила, с чем это связано. Ей ответили, что связано это только с тем, что в это же самое время будет проходить большая выставка работ некоего Шелдона Прайса, молодого талантливой художника из Нью-Йорка. Впрочем, это совершенно неважно, откуда он родом, а то, что миссис Хейли впервые слышит это имя, хотя и живет в мире художников, так это и вовсе не удивительно, ибо мистер Прайс – это рождение сверхновой звезды, он в широких кругах еще малоизвестен, однако подает огромные надежды. Хотя вряд ли он когда-то сможет превзойти миссис Грейс, хе-хе, но в общем и целом, так сказать, решение принимает не он, а комиссия... Да, разумеется, у них с миссис Хейли был заключен договор, и нарушать они его не намерены. Но видите ли, миссис Хейли, никакого нарушения и нет, в противном случае они никогда бы не пошли на что-то подобное. Если вы внимательно перечитаете третий пункт к дополнительному соглашению, прикрепленному к основному договору, то увидите... Вы не читаете договоры? Этим занимается ваш агент? Ну что ж, в таком случае мы сегодня же свяжемся с ним и сообщим...

Шелдон Прайс. Шелдон Прайс. Это имя звенело в голове Грейс тысячей колокольчиков. Кто это вообще? Откуда он взялся? Грейс попыталась найти о нем хоть какую-то информацию в интернете, но, к ее немалому удивлению, не нашла

абсолютно ничего. Как черт из табакерки выпрыгнул этот Прайс и добил ее. Выставка, к которой она шла всю свою жизнь, отменилась бог знает из-за кого.

Грейс спустилась в гостиную. Дилана дома не было: в раковине стояла недопитая чашка кофе.

Весь день она провела дома, пытаясь собраться с мыслями. Последние несколько месяцев походили на безумие. Срыв выставки в «Центр Холле» выбил почву из-под ног окончательно. Она чувствовала себя опустошенной.

Днем она несколько раз спускалась в студию, бралась за кисти, долго и бессмысленно стояла перед «мужчиной за письменным столом» и, не сделав ни единого мазка, уходила наверх.

К пяти часам вечера в тихом и пустом доме раздался хлопок открываемой винной бутылки. Грейс осушила ее бокал за бокалом в несколько часов.

Вернулся Дилан.

А следом объявился и Эрик. Он был пьян. Или под кайфом, как говорится. А может быть, и то и другое вместе.

– Салют, – крикнул он, помахав рукой.

Дилан окинул его хмурым взглядом, затем посмотрел на Грейс и тихо сказал:

– Взгляни, Грейс. Он... Впрочем, ладно. Я – к себе.

– Дилан, старик, куды ты? – Эрик, шатаясь, подошел к барному шкафу, открыл его, извлек бутылку виски и пару бокалов. – Давай выпьем.

– Поставь бутылку на место, – устало сказала Грейс.

– Да ладно вам, – Эрик попытался открыть виски, не выпуская бокалов из рук. У него не вышло. Бокалы выскользнули и, ударившись об пол, разлетелись на мелкие осколки.

– Упс, – Эрик прыснул от смеха.

– Ну хватит, – сказал Дилан и подошел к Эрику. – Дай сюда бутылку.

– Руки убери! – Эрик дернул плечом, вырывая бутылку. Его локоть угодил в стеклянную дверцу бара и разбил ее.

Грейс молча смотрела на происходящее. Ей казалось, что она сошла с ума и ее поместили в лечебницу.

Дилан схватил Эрика за грудки, но тот вырвался, отпихнул его и, казалось, даже немного протрезвел. По крайней мере, на ногах он теперь стоял более уверенно, взгляд его мгновенно наполнился злобой и обидой.

– Руки убери свои поганые! – закричал Эрик. – Думаешь, ты во всем прав? Если у тебя есть этот сраный дом, мамочка и папочка, которые целовали тебя в лобик по утрам, образование, то ты лучше всех все знаешь и понимаешь? Ты вообще ни черта не понимаешь, потому что всю жизнь живешь под хрустальным куполом. И не смей меня лапать, урод проклятый!

– Эрик, – тихо сказала Грейс.

Тот резко обернулся и прожег ее взглядом:

– Что «Эрик»? Что «Эрик»? Нарисовалась спустя двадцать лет и решила, что теперь все будет хорошо? Вот так

вот запросто, по щелчку, поедим мороженое, сходим в кино, мило поболтаем на кухне о том о сем, поплачем и все – здравствуй счастливое и безмятежное будущее? Хрена с два, мамочка! Не нравится, какой я? Ой-ой-ой, бедный мальчик пропадет, его спасти нужно, я же мать!

– Не надо так, пожалуйста. Я знаю, я виновата, но...

– Вот именно – виновата! И никаких «но» здесь нет. Без всяких «но». Какой получился, такой получился. Я не выбирал себе путь. Ты выбрала его за меня!

– Ну хватит, – сказал Дилан.

Но Эрик продолжал наседавать на Грейс. Он шёл в её сторону медленными шагами, смотрел прямо в лицо и кричал:

– Это не я прицепился к тебе на улице с этим поганым крестиком. Не я расспрашивал, выяснял, узнавал, лез в душу. Ты надеялась исцелиться за счет меня. Думала, сейчас верну бедного Эрика на путь истинный, и тогда мне станет легче дышать. Что, не так? Ты не меня спасти хочешь, ты себя спасти хочешь. И ты прекрасно это знаешь сама. Даже сейчас стоишь с грустным лицом не потому, что спасение родного сыночка, которого ты знать не знала двадцать с лишним лет, идёт не так, как тебе хотелось. Тебе грустно от того, что очистить совесть не выходит. Ты эгоистичная сволочь. Ты была ей, когда выбрасывала меня на помойку, как старый, ненужный, занимающий лишнее место чемодан. Ты и сейчас эгоистичная сволочь, которой никак не обрести здоровый сон, потому что Эрик никак не хочет «спасаться».

Эгоистичная сво...

Дилан сшиб Эрика ударом в челюсть. Грейс даже вскрикнуть не успела. Всплеснув руками, парень свалился на пол. Из рассеченной скулы потекла кровь.

Дилан возвышался над ним, глаза его налились кровью, он глубоко и часто дышал.

– Закрой свой рот, – прошипел он, еле сдерживая себя, чтобы не врезать сопляку еще раз.

– Дилан, ты с ума сошел! – Грейс подбежала к мужу, встала между ним и распластавшимся на полу Эриком. – Прекрати! Господи!

– Ты слышала, что он говорил? Он ведь играет тобой. Дешевый манипулятор.

– Хватит, – сказала Грейс. – Уходи. Прошу тебя, просто уйди, хорошо?

Дилан не мог поверить своим ушам. Какое-то время он молча смотрел на Грейс, вопросительно прищурившись, после чего выдохнул, развернулся и пошел к выходу.

Хлопнула дверь. Только после этого по щекам Грейс потекли слезы. Она опустилась на пол, прислонилась спиной к стене и молча смотрела в одну точку, не обращая внимания на слезы, на разбитое стекло, на вздохи Эрика, потирающего разбитую скулу, не обращая внимания на развалившуюся пополам жизнь.

Эрик сел рядом с ней.

– Прости, – сказал он тихо.

Грейс, не глядя на него, пожала плечами. Неопределенно так пожала. То ли прощает, то ли нет, то ли ей вообще все уже безразлично.

– Знаешь, – сказал Эрик, – я ведь и пить-то не люблю, если честно.

– Верю. Ты наркоман.

– Да, наркоман. Но... – он посмотрел на Грейс, – но в этом нет твоей вины. Я не знаю, зачем я все это говорю. Что-то во мне просыпается порой, и мне сложно это контролировать. За свою жизнь я понаделал столько дерьма, что тебе и не снилось, поверь. Все мы делаем дерьмо и состоим из дерьма. Я не вправе винить тебя в чем-то. Хотя бы потому, что я совершал поступки, может быть, пострашней, чем отказ испуганной девчонки от собственного ребенка. И уж тем более я не истязал себя, мечтая исправить зло, причиненное мною. Мне было наплевать. Как наплевать любому торчку. У каждого из нас есть свое оправдание. Я прикрываюсь наркоманией, ты тем, что у тебя не было иного выхода, что ты была слишком юной и глупой. Нет-нет, я не пытаюсь тебя задеть. Я просто стараюсь выразить свою мысль, но делаю это как умею. А умею я – плохо. В моем мире все общаются на мате и сленге. Да, у каждого есть свое оправдание. Оно найдется у любого и для любого поступка.

Тут Эрик замолчал и внезапно заплакал. Заплакал так, как плачут дети – громко, со всхлипами, отчаянно.

Грейс изумленно повернулась к нему.

– Я... я не знаю, – сквозь слезы проговорил Эрик, – не знаю, что мне делать. Я злюсь на тебя, на себя, на всех вокруг. Даже на тех, кто желает мне добра. Потому что чувствую себя слабаком. Я слабак и неудачник. Я хочу, очень хочу, Грейс, выпутаться из этого проклятого болота, но не могу. Думаешь, я не пытался? Пытался. Черт возьми, я пытался! Но у меня не выходит. Мне нужна помощь. Помогите мне, Грейс, помогите, прошу тебя. Пожалуйста, помогите. Не оставляйте меня больше, Грейс. Мама.

Он уткнулся лицом в ее колени и опять зарыдал. Плечи его ходили вверх-вниз, он всхлипывал и повторял:

– Помогите.

Глава 5

Мы познакомились в книжном магазине.

О, глупец! Мне казалось, наша с Линнет судьба – судьба неудачников. Банальные дни, складывающиеся в банальные годы, и впереди банальный конец...

Но разве это так? Само наше знакомство разве не есть замечательный пример того, что нам была уготована интересная жизнь? Кто из вас нашел свою любовь в книжном магазине? У полки с единственным оставшимся экземпляром «В дороге» Керуака? Кому он нужен в современном мире, этот битник? Разве расхватывают его молодые люди? Дерзость его смешна и наивна современным юношам, они вытворяют вещи и похлеще. Он слишком скромен для них. А значит – скучен.

Я протянул руку к книге.

И она тоже протянула.

У нее были немного раскосые глаза. И черные волосы, прямые и блестящие. Потомок кочевых народов. Невысокая, похожая на подростка. Впрочем, нам тогда и было по восемнадцать.

– Вам интересен Керуак? – спросил я с удивлением.

– Не знаю. Мне понравилось оформление. Я хотела потрогать ее. Узнать текстуру.

Я работал над книгой; в девчонках проблем не было: сим-

патичное лицо проделывало за меня большую часть работы, когда следовало произвести впечатление.

Я должен был вежливо улыбнуться, закругляя наш милый разговор, и отойти в сторону, давая ей время насладиться шершавостью обложки. После – купить книгу и уйти.

Но я не мог оторвать взгляд от дочери степей, от детской улыбки, заигравшей на ее лице, когда она провела пальцами по корешку самой известной работы Керуака.

Я позвал ее на чашку кофе. Она протянула мне книгу, спрятала за ухо выбившуюся прядь волос и, улыбнувшись, отказалась.

На следующий день я вернулся в этот магазин. Я надеялся встретить там ее. И, разумеется, не встретил. Я сделал слабую попытку отыскать нить, которая могла бы привести меня к ней – спросил у продавца, работавшего вчера. Может быть, он знает, кто была та девушка, видел ее раньше, ну хоть что-то. Я не Эркюль Пуаро. Получив ожидаемый отрицательный ответ, я прекратил поиски. Не судьба, значит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.